

DOI: 10.31857/S0130386424050143

© 2024 г. А.М. ФИЛИТОВ

ТЕГЕРАНСКИЕ ДИСКУССИИ: ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Аннотация. Проведенное автором сравнительное исследование мемуарных и документальных источников по Тегеранскому саммиту 1943 г. позволило скорректировать ряд положений, содержащихся как в имеющейся историографии, так и в популярной литературе. Вопреки сложившемуся представлению о позициях, которые члены Большой тройки занимали по вопросу о втором фронте (Сталин и Рузвельт за скорейшую высадку в Нормандии против черчиллевской стратегии операций в Средиземном море и на Балканах), показано, что президент США, очевидно под давлением своих военных советников, поначалу склонялся к поддержке британских планов. Лишь благодаря настойчивым усилиям советской дипломатии удалось добиться того, что американский лидер присоединился к Сталину в признании абсолютной приоритетности операции «Оверлорд». Принципиальный прорыв по вопросу о втором фронте был достигнут в ходе и после неформального ужина, устроенного Рузвельтом по окончании первой сессии конференции 28 ноября 1943 г., — раньше, чем это утверждалось в ранее представленных исследованиях. Во время этих неофициальных дискуссий (не нашедших достаточного освещения в предшествующей историографии) советская сторона внесла на обсуждение важные инициативы по послевоенному европейскому устройству, которые нашли принципиальное согласие со стороны западных представителей. Общий консенсус был, в частности, достигнут относительно изменений в советско-польской и польско-германской границах. Эти изменения были впоследствии уточнены и зафиксированы в Ялте и Потсдаме. Своё освещение в статье находят и другие сюжеты, относящиеся к Тегеранской конференции: обсуждение вопроса о немецких военных преступниках, деятельность переводчиков и др.

Ключевые слова: Тегеранская конференция, второй фронт, СССР, США, Великобритания, внешняя политика, Вторая мировая война, международные конференции.

A.M. Filitov

The Tehran Discussions, Formal and Informal

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Abstract. A comparative study of memoirs and documentary sources pertaining to the Tehran Conference allows the author to challenge and correct some of the prevalent positions held within both historiography and popular literature on the subject. In contrast with the pervasive assumption regarding the stance of the “Big Three” on the matter of the Second Front (Stalin and Roosevelt were proponents of an expeditious invasion of Normandy, in contrast to Churchill’s ‘Mediterranean-Balkan’ strategy), he demonstrates that the US President, ostensibly under the influence of

his military advisers, was initially amenable to supporting British plans. It was only through the persistent efforts of Soviet diplomacy that the American leader was persuaded to join Stalin in prioritising Operation Overlord. The real breakthrough on the Second Front issue occurred during and after an informal dinner hosted by Roosevelt after the first session of the conference on 28 November 1943, which was earlier than had previously been asserted. In the course of these informal discussions, which have been largely overlooked in previous historiography, the Soviets proposed several important projects for a post-war settlement in Europe. These proposals were largely agreed upon by Western representatives. A consensus was reached on the issue of changing the Soviet-Polish and Polish-German borders, which was subsequently updated and ratified at the Yalta and Potsdam conferences. Additionally, the article addresses other matters pertaining to the Tehran Conference, including discussions on German war criminals, the role of interpreters, and other pertinent topics.

Keywords: Tehran Conference, Second Front, USA, USSR, Great Britain, foreign policy, Second World War, international conferences.

События Тегеранской конференции нашли свое отражение в достаточно широком массиве исследовательской, мемуарной и научно-популярной литературы¹. Вместе с тем некоторые проблемы и факты, относящиеся к этому форуму Большой тройки, в различных источниках трактуются по-разному, порой с определенными искажениями, что соответственно влияет и на историографию. Каковы были исходные позиции участников по вопросу о втором фронте, менялись ли они, если да, то как и почему; когда началось обсуждение проблем послевоенного устройства, кто был инициатором, каковы были позиции сторон и принятые решения, если они были, — многие эти вопросы требуют дальнейшего изучения. В сферу задач, стоящих перед исследователем, входит сравнительный анализ мемуарных и документальных свидетельств, отражающих ход как пленарных заседаний, так и бесед неофициального характера (последние в силу разных причин в меньшей степени отражены в историографии). Свой вклад в решение этих задач внесет данная статья, представляющая расширенный вариант доклада автора, который был представлен на конференции, посвященной 80-летию Тегеранского саммита.

Первым по времени появления источником по Тегеранской конференции стала соответствующая глава в книге сына Рузвельта, Эллиота, «Его глазами»², где автор воспроизводит по памяти высказывания отца, сделанные им в минуты отдыха после официальных заседаний (на которых Эллиот, разумеется, не присутствовал). Как следует из текста, президент США последовательно выступал за скорейшую высадку союзных войск в Нормандии, против «средиземноморской стратегии» Черчилля, которая диктовалась отнюдь не военными, а чисто политическими соображениями: британский премьер намеревался «врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию». По контрасту, мотивы США исчерпывались стремлением спасти как можно больше жизней американцев путем сокращения сроков войны, а этого можно было добиться только ударом с запада, а потому, как автор передает слова Рузвельта, «нет нужды понапрасну жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан»³. Замыслы Черчилля и военную нецелесообразность предлагавшейся

¹ *Бережков В.М.* Тегеран, 1943. М., 1968; *Ганусец А.И.* Турецкий вопрос на Тегеранской конференции // Проблемы истории Турции. Сборник статей памяти А.Ф. Миллера. М., 1978. С. 154–160; *Eubank K.* Summit at Teheran. New York, 1985; *Mayle P.D.* Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran. Newark, 1987; *Кузнец Ю.Л.* Тегеран 43. М., 2003; *Forsmann J.* Testfall für die “Großen Drei”. Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner 1941–1946. Köln, 2009; *Алексеев В.В.* Застольная дипломатия Сталина и кулинарный антураж во время Тегеранской конференции 1943 г. // Государство и общество в России и Европе. Сборник статей памяти Ю.С. Кукушкина. СПб., 2022. С. 231–247; *Экштут С.А.* 80 лет Тегеранской конференции // Родина. 2022. № 12. С. 15–17; *Семенов К.К.* Тегеран 43. Встреча, определившая ход истории. М., 2023.

² *Roosevelt E.* As He Saw it. New York, 1946. Русскоязычное издание: *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947.

³ *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 186–187.

им стратегии Сталин понимал не хуже Рузвельта, и это стало основой их общей позиции по второму фронту, которая заставила англичан отступить.

Экземпляр своей только что вышедшей книги Эллиот Рузвельт вручил лично Сталину по завершении их беседы, состоявшейся 21 декабря 1946 г. Издательству иностранной литературы было дано срочное поручение ее перевести и опубликовать массовым тиражом, что и было исполнено с потрясающей оперативностью и минимумом вмешательства со стороны цензуры, притом что речь шла о «буржуазном» авторе⁴. Книга приобрела в СССР надолго характер почти официоза.

В 1948 г. появилась книга Р. Шервуда, основанная на материалах его бесед с Г. Гопкинсом, ближайшим советником и другом Ф. Рузвельта, который сопровождал его в Тегеране и, в отличие от Эллиота, присутствовал на заседаниях. Оценка позиции президента оказалась не столь однозначной, как это следовало из книги его сына: «Рузвельт удивил и встревожил Гопкинса своим упоминанием о возможной операции через Адриатическое море для дальнейшего наступления с помощью партизан Тито на северо-восток в Румынию, чтобы соединиться с Красной армией, наступающей на юг из района Одессы. Гопкинс после этого послал записку адмиралу Кингу: “Кто выдвигает этот план адриатической операции, к которой президент постоянно возвращается?” В ответ Кинг написал: “Насколько мне известно, это его собственная идея”. И действительно она не имела ничего общего с планами американских начальников штабов (неясно, кому принадлежало последнее утверждение — Гопкинсу, Шервуду либо какому-то оставшемуся за кадром редактору. — А.Ф.)». Черчилль, как отмечается далее, «поспешил присоединиться к предложению Рузвельта», что же касается Сталина, то он запросил дополнительных разъяснений, которые его, очевидно, не убедили и побудили выступить против этого плана⁵.

Версия, что именно Рузвельт был инициатором балканского варианта, а Черчилль к нему лишь присоединился, была подхвачена и развита последним в пятом томе его военных мемуаров. Британский экс-премьер не скрывал, что он считал «предпочтительным» план захвата всей Италии и последующего «удара вправо» с выходом на Любляну — Вену, но соответствующее предложение в Тегеране высказал-де не он, а американский президент. «Я был в восторге и пытался всячески поддержать его в этой идее», — пишет мемуарист, выдвигая добавок смелый тезис, что он мог и Сталина склонить к принятию данного плана. Увы, все якобы испортили военные советники Рузвельта, которые выступили против. Кто были эти «советники», когда они выступили против плана Черчилля, каковы были их аргументы, обо всем этом умалчивается, зато следует инвектива по адресу неких также не называемых «наших американских друзей», которые «упрямо повторяют, что предотвратили попытку Черчилля впутать нас в балканские дела. Таких мыслей у меня никогда не было»⁶. Последним утверждением мемуарист, по сути, дезавуирует свою приверженность балканскому варианту! Загадки, которые при тогдашней ограниченности источниковой базы решить было невозможно.

Помимо достаточно подробного, хотя и субъективно окрашенного, а порой и противоречивого описания пленарных заседаний саммита, черчиллевские мемуары впервые раскрыли его закулисную сторону — личное общение трех лидеров в неформальной обстановке. По мнению самого мемуариста, такие «беседы за обедами и ужинами» были «даже важнее», чем официальный обмен мнениями. К сожалению, здесь субъективизм и прямые искажения выражены еще сильнее. В качестве примера можно привести приписанное Сталину утверждение, будто он чуть ли не лично расстреливал немецких военнопленных⁷. Сюда же можно

⁴ Определенная редакторская работа была все же проведена: если в англоязычном оригинале крайне комплиментарная характеристика Сталина сочеталась с весьма сдержанной, мягко говоря, в отношении его ближайшего сподвижника и главы советской дипломатии Молотова, в переводе то, что относилось к Сталину, осталось, а то, что к Молотову, — исчезло.

⁵ *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History.* New York, 1948. Издание на русском языке: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958. С. 473.

⁶ *Churchill W.* The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1952. P. 305–306.

⁷ *Ibid.* P. 319.

отнести и крайне искаженное описание эпизода с тостом Сталина на устроенном им приеме по окончании второго заседания конференции, 29 ноября: якобы было высказано намерение после окончания военных действий расстрелять без суда и следствия 50 тыс. немецких «офицеров и технических специалистов»; только так мол можно искоренить германский милитаризм⁸.

Между тем до выхода данного тома мемуаров британского экс-премьера никто не подвергал сомнению то изложение сталинских слов, которое было представлено ранее Эллиотом Рузвельтом: «К концу обеда Дядя Джо поднялся, чтобы предложить тост по вопросу о немецких военных преступниках. Я не могу точно припомнить его слова, но он произнес примерно следующее.

— Я предлагаю выпить за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были казнены. Я пью за то, чтобы мы общими усилиями покарали их, как только они попадут в наши руки, и чтобы их было не менее пятидесяти тысяч»⁹.

По оценкам современных немецких историков до 400 тыс. немцев и австрийцев были прямо вовлечены в акции нацистского геноцида, так что сталинская прикидка насчет численности военных преступников была явно заниженной. Что касается количества лиц из этой категории, приговоренных советскими судами к высшей мере наказания, то их было никак не «пятьдесят тысяч», а в 20 с лишним раз меньше, причем критерием при вынесении приговора была исключительно степень личной вины обвиняемых в тех или иных конкретных преступлениях¹⁰. Никакой ориентации на преследование «офицеров и технических специалистов» (очевидно, имелись в виду инженеры и техники, занятые в военной промышленности) у советских властей при осуществлении программы денацификации Германии не планировалось, и ее не было в действительности. Нетрудно понять, почему Черчилль соответствующие планы приписал советской стороне, а себе — роль их противника. В начале 1950-х годов, когда он писал очередной том мемуаров, разворачивалась кампания по ремилитаризации Западной Германии, широкие слои населения, включая и многих ветеранов вермахта, ее не поддерживали; для того, чтобы переломить этот их настрой, использовались разные пропагандистские домыслы, и данная черчиллевская выдумка призвана была внести свою лепту в выполнение очевидного политического заказа. Такой заказ не довлел над Э. Рузвельтом, и его мемуары, соответственно, свободны от подобного рода политизированных искажений, хотя, как он сам признал, в описании данного эпизода память в чем-то его могла подвести.

Свою версию представил переводчик советской делегации В.М. Бережков. Начало сталинского тоста в его изложении дословно совпадает с текстом Э. Рузвельта, но дальше идут разночтения: вместо «казнены» применена формулировка «сурово наказаны», а заключительные слова звучат следующим образом: «Никто не собирается наказывать нацистских преступников без суда. Дело каждого должно быть тщательно разобрано, но уже сейчас очевидно, что при массовых зверствах, творимых гитлеровцами, среди них должны быть десятки тысяч преступников»¹¹. Цифра «пятьдесят тысяч», очевидно, все же прозвучала, иначе почему Рузвельт предложил — в порядке шуточного компромисса — снизить ее до 49 500? Точное содержание высказываний Сталина тем не менее остается под вопросом.

⁸ Ibid. P. 330.

⁹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 190–191.

¹⁰ См.: Филитов А.М. Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография // Новая и новейшая история. 2023. № 5. С. 22–23, 31. DOI: 10.31857/S013038640028067-1

¹¹ Бережков В.М. Указ. соч. С. 106.

В 1961 г. появились, наконец, извлеченные из архивов рассекреченные официальные записи тегеранских дискуссий: советские первоначально в виде журнальной публикации¹², американские – в составе документального сборника, в нем нашли отражение еще и материалы бесед, которые Рузвельт и Черчилль вели до и после Тегерана во время их остановки в Каире, вначале с лидером гоминдана Чан Кайши, а затем с президентом Турции Иненю¹³.

Следует по достоинству оценить работу, проделанную архивистами МИД СССР/РФ: помимо выявления и отбора относящихся к Тегеранской конференции документов, ими был представлен и весьма содержательный их анализ¹⁴. В частности, пожалуй, впервые было указано на «колеблющуюся позицию» американского президента по вопросу о втором фронте – это был отход от той по существу апологетической трактовки, которая была представлена в книге его сына¹⁵.

В американской публикации аналитический раздел отсутствует, она содержит лишь краткие комментарии к отдельным документам (как правило, в подстрочнике), но самих этих документов значительно больше. Это объясняется, с одной стороны, упомянутым фактом включения в нее материалов каирских дискуссий, а с другой – воспроизведением в ней двух вариантов записей официальных заседаний тегеранского форума: один из них принадлежит сотруднику Госдепартамента Ч. Болену, который выступал в качестве переводчика американской делегации, другой был подготовлен аппаратом Объединенного Комитета начальников штабов (ОКНШ). В значительной степени они дублируют друг друга, но есть и различия. Одно из них почти анекдотического характера: Сталин упомянул о швейцарском походе Суворова (в качестве иллюстрации тезиса о трудности наступления через Альпы, которое западники рассматривали как замену «Оверлорду»), и если в госдеповском варианте все воспроизведено корректно, даже с краткой исторической справкой, то переводчик ОКНШ, от которого можно было бы ожидать определенных познаний в военной истории, приписал Сталину нечто, что тот никак не мог сказать: «Советы (!) попытались вторгнуться в Альпы, но обнаружили, что это очень трудная операция»¹⁶.

Вместе с тем вариант ОКНШ имеет то достоинство, что в нем отражены сюжеты, которые не были и не могли быть освещены ни в госдеповской, ни тем более в советской записях. Речь идет о той информации и тех предложениях, что Рузвельт получал в строго секретном порядке от своих военных и которые, очевидно, влияли на его позицию на трехстороннем форуме. В частности, из записи совещания, проведенного американским президентом с представителями ОКНШ накануне первого заседания Большой тройки, следует, что последние, как само собой разумеющееся, рассматривали отсрочку высадки в Северной Франции в пользу средиземноморско-балканской стратегии и даже убеждали своего главнокомандующего, что русские, дескать, не против (в последнем случае речь шла уже о прямой дезинформации)¹⁷.

¹² Международная жизнь. 1961. № 7–8. Позднее материалы, относящиеся к Тегеранской конференции, вошли в документальный сборник «Тегеран, Ялта, Потсдам» (М., 1967), а затем были опубликованы в качестве отдельного тома издания «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 дек. 1943 г.). М., 1984). Более полный вариант записей заседаний конференции представлен в новейшей публикации архивистов МИД РФ: Документы внешней политики СССР 1943 (далее – ДВП). Т. XXVI: в 2-х кн. Кн. 2. Сентябрь–декабрь. Майкоп, 2016. С. 354–382, 388–393, 397–412.

¹³ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961.

¹⁴ См.: Тегеранская конференция... С. 5–34.

¹⁵ Тегеранская конференция... С. 19. Эта характеристика отнесена к высказываниям Рузвельта на втором заседании конференции 29 ноября; датировка небесспорна: как раз в ходе этого заседания, как будет показано ниже, его позиция стала более определенной. Больше всего колебаний было им проявлено в первый день работы саммита.

¹⁶ FRUS. P. 501. Ср.: ДВП. С. 361. В советском сборнике о Тегеранской конференции это высказывание Сталина отсутствует.

¹⁷ FRUS. P. 477–482.

Очевидно, что адмирал Кинг просто обманул Гопкинса, когда объявил балканский вариант продуктом личного творчества Рузвельта, к которому военные не имели-де никакого отношения. Соответственно, и картина, нарисованная Черчиллем-мемуаристом (именно американские военные разрушили их взаимопонимание с президентом), соответствует реальности с точностью до наоборот. Одну из загадок можно считать разгаданной.

Как в свете документальных свидетельств выглядят те «беседы за обедами и ужинами», значение которых столь высоко оценивал тот же мемуарист? Прежде всего заметим, что эта неформальная сторона тегеранской встречи крайне слабо отражена в официальных документах советской стороны. Каждый тост и каждая реплика хозяев и гостей на каждом банкете, конечно, вряд ли заслуживали бы фиксации, но можно выразить сожаление, что вышеупомянутая полемика по вопросу обращения с нацистскими преступниками не вошла ни в один из изданных у нас сборников, хотя бы в разделе «Примечания». Вызывает недоумение и тот факт, что под заголовком «Запись разговора И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом во время ужина у президента США 28 ноября 1943 года» приводится буквально несколько строк, где излагаются предложения советской стороны по конкретизации условий безоговорочной капитуляции, отмечается уклончивая реакция Рузвельта, который предался воспоминаниям о посещении Германии в юношеские годы, и сообщается, что «Иден, сидевший недалеко от Сталина, внимательно выслушал поставленный им вопрос»¹⁸. Неужели это все, о чем говорили между собой члены Большой тройки? А что обсуждалось после ужина, когда участники, по словам американского президента, зафиксированным его сыном, «присидели до 11 часов вечера, осторожно и неторопливо беседуя о политике»?¹⁹

Сказанное отнюдь не означает отрицание или принижения ценности публикаций, которые осуществляют отечественные архивисты, особенно в обстановке, когда над ними ныне не довлеет идеологический гнет. Приведем лишь пример, когда одна строка в новом, более полном варианте ранее известного документа позволила решить давний спор между тремя мемуаристами, писавшими о Тегеранской конференции. Спор касался того, кто переводил первую беседу Сталина с Рузвельтом, которая состоялась в первый день работы конференции перед началом пленарного заседания²⁰. Сын президента, согласно его воспоминаниям, задал этот вопрос отцу, и тот ответил, что ради создания более доверительной обстановки он решил, что будет только один переводчик, а именно с советской стороны, а от услуг своего, американского, отказался²¹. Эту версию поддержал В.М. Бережков, заявив, что именно он и был этим советским переводчиком²². Его американский коллега, Ч. Болен, в мемуарах, опубликованных несколько позже, выразил недоумение: он-то как раз присутствовал на беседе, переводил слова Ф. Рузвельта и составил ее запись, а В.М. Бережкова, напротив, не было, И.В. Сталина переводил другой советский переводчик – В.Н. Павлов²³. Точку поставила концовка советской записи этой беседы, впервые приведенная в сборнике, представленном публике в 2016 г.: «Записал В. Павлов»²⁴. Трудно себе представить, чтобы перевод делал один, а запись произвел другой. Подтвердилась, по крайней мере, отчасти, версия Болен. Остается вопрос, почему возникла противоположная версия (или версии).

Это все же детали, хотя и немаловажные, а вот опровергнуть или подтвердить то, что Болен изложил по памяти в записи дискуссии, проходившей за ужином и после него 28 ноября²⁵, довольно затруднительно. Между тем дискуссия эта имела значение никак не меньшее, чем та, что касалась проблемы открытия второго фронта. Речь шла о выработке контуров будущего миропорядка. Содержащиеся в ряде опубликованных документов отсылки к высказываниям,

¹⁸ См.: Тегеранская конференция... С. 91–92. В ДВП этот документ не представлен.

¹⁹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 180.

²⁰ Тегеранская конференция... С. 79–82; ДВП. С. 354–357.

²¹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 178.

²² Бережков В.М. Указ. соч. С. 27.

²³ Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. New York. 1973. P. 141.

²⁴ ДВП. С. 357.

²⁵ FRUS. P. 509–513.

впервые прозвучавшим вечером 28 ноября, косвенным образом подтверждают достоверность заметок, сделанных американским переводчиком. За точность воспроизведения им отдельных высказываний участников дискуссии ручаться, конечно, трудно, во всяком случае в боленовском тексте отсутствуют открыто антисоветские выдумки типа «расстрелов военнопленных» по приказу Сталина. Можно говорить о достаточно сбалансированном изложении фактов.

Выглядят они следующим образом: ужин начался в 8:30 вечера, присутствовали: от США — Рузвельт, Гопкинс, Гарриман (посол в СССР), Болен (переводчик), от Великобритании — Черчилль, Иден, Керр (посол в СССР), майор Бирс (переводчик), от Советского Союза — Сталин, Молотов, Павлов (переводчик). Поначалу имел место двусторонний диалог между Рузвельтом и Сталиным. Обсудили возможное место будущей встречи; в качестве такового был упомянут Фербенкс на Аляске (очевидно, это было предложение американской стороны), после чего Сталин поставил вопрос о будущем Франции, отметив, что «французский правящий класс прогнил до основания и выдал Францию немцам», на что Рузвельт ответил предложением, которое он, по его словам, ранее уже излагал Сталину²⁶, — «не допускать в будущее французское правительство лиц старше сорока лет и, в частности, тех, кто ранее входил в его состав». Особенный интерес лидера США привлек вопрос о судьбе французских колоний; Новая Каледония и Дакар, по его мнению, должны быть переданы под опеку Объединенных Наций. Здесь в разговор впервые вмешался Черчилль, очевидно, обеспокоенный тем, что может зайти речь и о его собственной колониальной империи. По его мнению, «четыре державы-победительницы, США, Великобритания, Советский Союз и Китай», должны создать сеть «стратегических пунктов» для управления миром; видимо, имелось в виду, что британские колонии по-прежнему останутся под эгидой Лондона, только будучи переименованными в «стратегические пункты», остальные три державы пусть ищут для себя таковые сами. Ни Рузвельт, ни Сталин на этот проект никак не отреагировали; последний вновь вернулся к характеристике французских политиков, упомянув конкретно личность вишистского посла в Москве Г. Бержери, «идеология» которого заключалась в ориентации на нацистскую Германию.

Участники встречи перешли затем к обсуждению германского вопроса. Рузвельт ограничился замечанием, что важно не допустить сохранения в умах немцев концепции «рейха»: «само это слово должно быть вычеркнуто из языка». О позиции Черчилля ничего не сообщается, что же касается советского лидера, то он выразил мнение, что само по себе разоружение, даже под самым жестким контролем, не предотвратит возрождения германского милитаризма. Сталин «выступал, кажется, за более фундаментальные меры. Он, однако, не конкретизировал, что он имел при этом в виду, за исключением того, что он, кажется, выступал за расчленение Германии». Здесь надо по достоинству оценить добросовестность автора заметок: свое мнение о сути высказываний Сталина он выражает в минимально категоричной форме, допуская, что он, возможно, ошибается в их оценке и выборе аутентичной терминологии. Следующее же предложение в тексте наглядно продемонстрировало, что ошибка действительно была допущена: «Маршал Сталин особо упомянул о том, что Польша должна расшириться до Одера, и со всей определенностью заявил, что русские помогут полякам получить границу по Одери». Речь, таким образом, шла вовсе не о расчленении Германии, а о сохранении ее как единого государства, но при условии уступки части территории в пользу соседнего государства, ставшего первой жертвой гитлеровской агрессии в ходе Второй мировой войны.

Опять-таки никакой реакции от партнеров, зато Рузвельт неожиданно поднимает вопрос о Кильском канале и проливах, соединяющих Северное и Балтийское моря: они должны быть поставлены под международный контроль. В результате недоразумения с переводом (Baltic straits, т.е. «балтийские проливы», были, очевидно, восприняты как Baltic states, т.е.

²⁶ Очевидно, имелась в виду упоминавшаяся выше его беседа со Сталиным накануне открытия конференции.

«балтийские государства»)²⁷ Сталин выступил с резкой отповедью: народы Прибалтики свободно выразили свою волю, проголосовав за вступление в Советский Союз, о каком международном контроле может идти речь, и вообще никакого вопроса тут нет. Получив заверения, что никто не покушается на территориальную целостность советского государства, Сталин смягчился, дискуссия вошла в спокойное русло, однако теперь уже в виде его двустороннего диалога с Черчиллем без Рузвельта, который покинул своих гостей в самый разгар беседы, — еще одна неожиданность с его стороны, к стати, не отмеченная в книге «Его глазами».

В изложении американского историка, автора фундаментального труда по Тегеранскому саммиту, этот эпизод выглядит следующим образом: на сталинское «искажение истории» никто не ответил, потому что Рузвельту стало плохо, его на коляске увезли в личные покои и более он уже не вернулся²⁸. Читатель вполне может сделать вывод, что это Сталин довел до такого состояния американского президента — настолько возмутили последнего слова главы советской делегации. Правда, из записи Болен следует, что свое возмущение в данном случае выразил как раз Сталин, а его партнеры отнюдь не смолчали, а попытались его успокоить, вовсе не ставя под сомнение данную им трактовку вопроса о вхождении республик Прибалтики в состав СССР.

То, что случилось с Рузвельтом, не имело никакого отношения к проходившей дискуссии. Было подозрение на отравление, но оно не подтвердилось, осталось загадкой, что стало причиной недомогания — поспешно приготовленная поварами-филиппинцами пища или злополучный коктейль, продукт личного творчества президента. Во всяком случае, становится понятным, почему в книге Э. Рузвельта ничего не говорится ни о преждевременном уходе президента с неформальной трехсторонней встречи, ни о его причине; сам автор мемуаров прибыл в Тегеран днем позже и мог ориентироваться только на то, что ему рассказывал отец, а тот явно не захотел расстраивать близкого человека упоминанием о своих проблемах со здоровьем. Еще одна из загадок может, таким образом, считаться разгаданной, но возникает другая: чем объяснить очередное неожиданное решение президента устроить вовсе незапланированный ужин-банкет, да еще самому взять на себя роль бармена?

Скорее всего, имелось намерение как-то нейтрализовать тот неприятный осадок, который оставили после себя выступления западных участников саммита на его первом пленарном заседании. Британский военачальник А. Брук дает по этому поводу такой комментарий: Рузвельт произнес «речь слабую и не очень удачную. Потом конференция пошла по принципу от плохого к худшему. Сталин ответил выступлением в пользу операций по форсированию Ла-Манша за счет любых других. Ответ Уинстона был не из его лучших. Вмешался президент и только усугубил ситуацию... Мы заседали три с половиной часа и закончили конференцию, запутав все планы еще больше, чем это имело место до того»²⁹. Издержки были, разумеется, не случайны, а по сути запрограммированы.

Дело в том, что с советской стороны явно исходили из того, что все военные вопросы, в частности условия и сроки «Оверлорда», уже решены на Московской конференции, где по этому поводу был принят «особо секретный протокол», а в Тегеране будут обсуждаться политические проблемы, связанные с окончанием войны и послевоенным устройством. Именно поэтому в состав советской делегации был включен лишь один военный — маршал Ворошилов, который давно уже занимался не военными вопросами, а планированием послевоенного мирного устройства, будучи главой «Комиссии по перемирию» при НКВД. В этом качестве и предусматривалось его участие в тегеранском саммите. Между тем Черчилля и Рузвельта, напротив, сопровождал целый сонм высокопоставленных военачальников, а от дипломатических ведомств присутствовали лишь два посла и два переводчика (с британской стороны,

²⁷ Согласно официальной американской записи беседы, ошибку допустил советский переводчик. Двадцатью годами позже в мемуарах Болен признал, что ошибся он, но решил отвести от себя вину, свалив ее на советского коллегу. Редкий случай, когда мемуарный источник корректирует документальный, а дипломат открыто заявляет, что совершил подлог. См.: *Bohlen Ch. Op. cit. P. 143.*

²⁸ *Eubank K. Op. cit. P. 285.*

²⁹ *Bryant A. Triumph in the West, 1943–1945. London, 1959. P. 60–61. Цит. по: Eubank K. Op. cit. P. 280.*

впрочем, переводчик был тоже в военном звании). Одно это свидетельствовало о том, что с англо-американской стороны настроены на ревизию договоренности об открытии второго фронта и не намерены говорить о будущем мире. Если для британской стороны это было продолжением старой линии, то для американской речь шла об отступлении от позиции, которую она представляла на Московской конференции и еще ранее — на Квебекской. Причины такой эволюции требуют дальнейшего изучения. Выше уже говорилось о давлении на Рузвельта его военных советников; вероятно, они зацепились за факт временного отступления советских войск на Украине: если бы Восточный фронт стабилизировался, а тем более, если немецкое контрнаступление принесло бы серьезные сдвиги в соотношении сил, для Запада отпали бы основания спешить с высадкой на континент.

Можно лишь подивиться той выдержке, которая была проявлена советской стороной перед лицом, без преувеличения, вероломной позиции Запада. Тем не менее, по крайней мере для Рузвельта, стало ясно, что надо как-то разрядить создавшуюся напряженную атмосферу. Решено было использовать орудие «коктейльной дипломатии», и была проявлена готовность пойти на неформальный обмен мнениями по послевоенным проблемам. Коктейль Сталину не понравился, и он не преминул высказать это, что явно было своеобразной формой выражения недовольства с его стороны позицией партнеров по второму фронту³⁰. Вряд ли его могли удовлетворить и их высказывания о будущем мире: сплошное прожектерство, причем порой довольно сомнительного характера, никакой реакции на реальные советские предложения.

То, что происходило после завершения ужина и ухода Рузвельта, поначалу также не вызвало оптимизма. Черчилль продолжил убеждать Сталина в том, что для решения германского вопроса достаточно мер по разоружению и соответствующему «воспитанию» немцев (без конкретизации последнего понятия; по-видимому, рузвельтовские идеи насчет благотворного эффекта от чистки немецкого словарного запаса не особенно его впечатлили, а ничего другого он придумать не мог). И тут — снова неожиданность: британский премьер вместе со своим министром иностранных дел вдруг вспомнили о сделанном Сталиным в ходе ужина предложении о расширении Польши на запад вплоть до линии Одера. Более того, они по сути приняли это предложение как средство решения германского вопроса. Черчилль нашел и подходящие образы, иллюстрирующие это решение: СССР, Польша и Германия в виде трех солдат, выполнивших шаг влево (подразумевалось — на запад), или в виде трех спичек, переставляемых в том же направлении. Это был подлинный прорыв: ведь ранее британская сторона категорически отказывалась вести всякий разговор о новой советско-польской и польско-германской границах, ссылаясь на то, что обсуждать, а тем более решать эти вопросы нельзя без поляков, т.е. без участия лондонского эмигрантского правительства, дипломатические отношения с которым, напомним, у СССР были разорваны. Памятуя об этой позиции Лондона, Сталин первоначально даже выразил сомнение в целесообразности начинать дискуссии по «польскому вопросу», когда Черчилль сформулировал такое пожелание. «Как, без поляков?», — недоуменно осведомился он. Да, да, без них, заверил его Черчилль, можно потом их информировать, а то и просто поставить перед фактом³¹.

Чем можно объяснить такой неожиданный поворот? Соглашаясь с позицией советской делегации по новым европейским границам, Черчилль с Иденом, возможно, рассчитывали на изменение ее позиции по второму фронту в плане поддержки балканской стратегии, так сказать, в порядке взаимности. Напомним то место в мемуарах экс-премьера, где он утверждает, что считал возможным привлечь Сталина на свою сторону в этом вопросе. Если такой расчет был, то он не оправдался; на последующих заседаниях (включая встречу военных экспертов, где Ворошилову пришлось в одиночку и без предварительной подготовки

³⁰ Bohlen Ch. Op. cit. P. 143.

³¹ В тексте примечаний к советскому документальному сборнику о Тегеранской конференции допущена неточность в датировке этой беседы: говорится, что она состоялась «после обеда, устроенного И.В. Сталиным в честь делегаций США и Англии», т.е. 29 ноября, днем позже, чем это было в действительности. См.: Тегеранская конференция... С. 167.

противостоять сплоченной группе западных генералов и адмиралов) советская сторона вновь и вновь разбивала аргументы тех, кто выступал за отсрочку, а по сути за отмену, «Оверлорда».

К поддержке советской позиции все более склонялся и американский президент. Здесь тоже имел место поворот, и вызван он был, думается, той же советской инициативой по границам. Дело в том, что в США были сильны позиции тех, кто считал, что союзнический десант на континент отвлечет значительные силы вермахта, ослабит их сопротивление на востоке и позволит Красной армии занять значительную часть, если не всю, Германии, устроив там что-то вроде социалистической революции. В диалогах с Рузвельтом Сталин всячески пытался рассеять эти опасения: отмечал слабость революционных традиций у немецкого пролетариата (в очередной раз повторив историю о том, как власти чуть не сорвали рабочую демонстрацию, убрав контролера на выходе с вокзала, в результате чего прибывшие на поезде демонстранты не осмелились-де покинуть перрон³²), указывал на успехи Гитлера в оболванивании масс, что выявилось, в частности, при допросах военнопленных. Для тех, кто с подозрением относился к «замыслам Кремля», это могло считаться просто пропагандой, которая легко может сменить свой тон. Другое дело, когда была выдвинута программа нового территориального переустройства – «передвижки Польши на запад». Эта советская инициатива свидетельствовала, что заигрывать с немцами, разыгрывать «немецкую карту» СССР не собирается, а значит, никаких нежелательных для Запада последствий операция в Нормандии с собой не принесет, даже если продвижение союзных войск застопорится; «революционизирование» Германии не будет. Критики второго фронта лишились, таким образом, своей аргументации, Рузвельт получил большую свободу действий и ею воспользовался.

Дискуссии на второй и третий дни работы конференции, 29 и 30 ноября, приобрели характер арьергардных боев черчиллевской команды, между тем как позиции советской и американской делегаций радикально сблизились. Вот как комментирует ход второго пленарного заседания американский исследователь Тегеранского саммита: «Еще один плохой день для Черчилля. Сталин и Рузвельт объединились против него. За все время сессии президент ни разу не поддержал его, сохраняя молчание, пока Сталин крушил позиции Черчилля, которые тот защищал не самым лучшим образом»³³.

Открывая рабочий завтрак глав делегаций 30 ноября, Рузвельт, обращаясь к Сталину, сообщил ему «приятную для него новость»: «Дело в том, что сегодня Объединенный Комитет начальников штабов с участием Черчилля и Рузвельта принял следующее решение: операция «Оверлорд» намечается на май 1944 г. и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени»³⁴.

Заметим, что ограничительное условие касательно десантных средств относилось только к последней операции (фактически она была осуществлена после высадки в Нормандии), в отношении же «Оверлорда» предусматривалось, что он состоится при любых условиях, и это был существенный прогресс по сравнению с решениями Московской конференции.

Последний день конференции, 1 декабря, был посвящен в основном обсуждению проблем послевоенного будущего. Там были зафиксированы в принципе и частично конкретизированы положения, впервые сформулированные главой советской делегации на неформальной встрече вечером 28 ноября. Оживленная дискуссия развернулась, в частности, относительно точного прохождения на местности «линии Керзона» – главного ориентира в определении

³² Впервые В.И. Сталин привел этот, по его выражению, «анекдот» в интервью немецкому писателю Э. Людвигу 13 декабря 1931 г. (См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 122). Болен изложил его содержание не в основном тексте записи, а в особом дополнении к нему; там же содержится и изложение инициативы Сталина по конкретизации условий безоговорочной капитуляции. В отрывке из советской записи беседы, о котором шла речь выше, рассказанный Сталиным «анекдот» отсутствует. Болен зато никак не отметил высказывания Рузвельта о его юношеских впечатлениях от Германии, о чем упоминается в советской записи.

³³ *Eubank K.* Op. cit. P. 312.

³⁴ Тегеранская конференция... С. 125–126.

польско-советской границы. Окончательные решения по этим вопросам были приняты уже на следующем саммите Большой тройки в Ялте.

Все же главное, что обсуждалось и что было решено в Тегеране, концентрировалось на проблеме открытия второго фронта. К развернувшейся вокруг нее дипломатической борьбе также применимы понятия «первого» и «второго» фронтов. Советской дипломатии пришлось сражаться на обоих: и против Черчилля, и если не прямо против Рузвельта, то, во всяком случае, против влияния на него военных советников президента, за большую его самостоятельность в принятии политических решений. В этом плане следует скорректировать одну из формулировок, содержащуюся в учебном пособии, подготовленном для МГИМО автором этих строк совместно с М.М. Наринским. Речь идет о фразе, где говорится, что «заслуга советской дипломатии в Тегеране заключалась не в том, что она нашла новые веские аргументы против черчиллевской стратегии, а скорее просто в том, что она не присоединилась к Черчиллю против Рузвельта». Теоретически, опция поддержки балканского варианта для СССР существовала: как отмечалось в упомянутом пособии, «если бы имелось в виду осуществить “экспорт революции” в Европу или максимально раздвинуть рамки советского военного присутствия, логично было бы принять план Черчилля, позволив англо-американским войскам втянуться в бесперспективные операции на юге Европы, а самим идти к Ла-Маншу»³⁵.

То, что эта опция даже не рассматривалась руководителями советской внешней политики, безусловно, свидетельствовало об имевшей место уже тогда ее «деидеологизированности». В констатации этого факта никаких корректировок, очевидно, не требуется. Неточность в другом: во-первых, советская делегация как раз привела партнерам достаточно много новых и веских аргументов, чтобы убедить их в преимуществах плана высадки в Нормандии и пагубности прочих вариантов стратегии, а во-вторых, поскольку первоначально никакого противостояния между Рузвельтом и Черчиллем не было, то задача состояла вовсе не в пассивном неприсоединении к позиции британского премьера (которая была и позицией американского президента и его военачальников), а в том, чтобы разорвать эту англо-американскую связку, «отсоединить» Рузвельта от Черчилля, побудить главу делегации США изменить свою позицию и присоединиться к советской точке зрения. Это удалось, и именно в этом состояла главная заслуга советской дипломатии. При этом довольно эффективно использовались методы неформального обсуждения вопросов будущего мирного устройства, что дало возможность, с одной стороны, осуществить прорыв в вопросе о втором фронте, а с другой — подготовить почву для более детальной проработки тех решений, которые заложили впоследствии основу ялтинско-потсдамской системы послевоенных международных отношений.

Библиография

Алексеев В.В. Застольная дипломатия Сталина и кулинарный антураж во время Тегеранской конференции 1943 г. // Государство и общество в России и Европе. Сборник статей памяти Ю.С. Кукушкина. СПб., 2022. С. 231–247.

Бережков В.М. Тегеран, 1943. М., 1968.

Ганусец А.И. Турецкий вопрос на Тегеранской конференции // Проблемы истории Турции. Сборник статей памяти А.Ф. Миллера. М., 1978. С. 154–160.

Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI: в 2-х кн. Кн. 2. Сентябрь–декабрь. Майкоп, 2016.

Кузнец Ю.Л. Тегеран 43. М., 2003.

Наринский М.М., Филитов А.М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999.

Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.

Семенов К.К. Тегеран 43. Встреча, определившая ход истории. М., 2023.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 дек. 1943 г.). Т. 2. М., 1984.

³⁵ *Наринский М.М., Филитов А.М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999. С. 98.

Филитов А.М. Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография // Новая и новейшая история. 2023. № 5. С. 18–33. DOI: 10.31857/S013038640028067-1

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958.

Экштут С.А. 80 лет Тегеранской конференции // Родина. 2022. № 12. С. 15–17.

Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. New York, 1973.

Bryant A. Triumph in the West, 1943–1945. London, 1959.

Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1952.

Eubank K. Summit at Teheran. New York, 1985.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961.

Forsmann J. Testfall für die “Großen Drei”. Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner 1941–1946. Köln, 2009.

Mayle P.D. Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran. Newark, 1987.

Roosevelt E. As He Saw it. New York, 1946.

Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. New York, 1948.

References

Alekseev V.V. Zastol'naia diplomatiia Stalina i kulinaryni anturazh vo vremia Tegeranskoi konferentsii 1943 g. [Stalin's table diplomacy and culinary entourage during the Tehran Conference in 1943] // Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii i Evrope. Sbornik statei pamiati Iu.S. Kukushkina [State and Society in Russia and Europe. Collection of articles in memory of Y.S. Kukushkin]. Sankt-Peterburg, 2022. S. 231–247. (In Russ.)

Berezhkov V.M. Tegeran [Tehran] 1943. Moskva, 1968. (In Russ.)

Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents of the foreign policy of the USSR]. 1943. T. XXVI: v 2-kh kn. Kn. 2. Sentiabr'-dekabr' [September-December]. Maikop, 2016. (In Russ.)

Ekshut S.A. 80 let Tegeranskoi konferentsii [80 years of the Tehran conference] // Rodina [Homeland]. 2022. № 12. S. 15–17. (In Russ.)

Filitov A.M. Problema nakazaniia natsistskikh prestupnikov v poslevoennoi Germanii: istoriia i istoriografiia [The problem of punishment of Nazi criminals in post-war Germany: history and historiography] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 5. S. 18–33. DOI: 10.31857/S013038640028067-1 (In Russ.)

Ganusets A.I. Turetskii vopros na Tegeranskoi konferentsii [The Turkish question at the Tehran Conference] // Problemy istorii Turtsii. Sbornik statei pamiati A.F. Millera [Problems of the history of Turkey. Collection of articles in memory of A.F. Miller]. Moskva, 1978. S. 154–160. (In Russ.)

Kuznets Iu.L. Tegeran 43 [Tehran 43]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Narinskii M.M., Filitov A.M. Sovetskaia vneshniaia politika v period vtoroi mirovoi voyny. Kurs lektsii po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii (1939–1945 gg.) [Soviet foreign policy during the Second World War. A course of lectures on the history of international relations (1939–1945)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Ruzvel't E. Ego glazami [Through his eyes]. Moskva, 1947. (In Russ.)

Semenov K.K. Tegeran 43. Vstrecha, opredelivshaia khod istorii [Tehran 43. The meeting that determined the course of history]. Moskva, 2023. (In Russ.)

Shervud R. Ruzvel't i Gopkins. Glazami ochevidtsa [Roosevelt and Hopkins. Through the eyes of an eyewitness]. Moskva, 1958. (In Russ.)

Stalin I.V. Sochineniia [Writings]. T. 13. Moskva, 1951. (In Russ.)

Tegeranskaia konferentsiia rukovoditelei trekh soiuzykh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (28 noiabria – 1 dek. 1943 g.) [Tehran Conference of the Leaders of the three Allied Powers – the USSR, the USA and Great Britain (November 28 – Dec. 1943)]. T. 2. Moskva, 1984. (In Russ.)

Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. New York, 1973.

Bryant A. Triumph in the West, 1943–1945. London, 1959.

Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1952.

Eubank K. Summit at Teheran. New York, 1985.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961.

Forsmann J. Testfall für die “Großen Drei”. Die Besetzung Irans durch Briten, Sowjets und Amerikaner 1941–1946. Köln, 2009.

Mayle P.D. Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran. Newark, 1987.

Roosevelt E. As He Saw it. New York, 1946.

Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. New York, 1948.